Дети на дороге. Франц Кафка

Я слышал, как за садовой решеткой тарахтели телеги, а порой и видел их в слабо колышущиеся просветы листвы. Как звонко потрескивали этим звонким летом их деревянные спицы и дышла! Работники возвращались с полей, они так гоготали, что мне неловко было слушать. Я сидел на маленьких качелях, отдыхая под деревьями в саду моих родителей.

А за решеткой не унималась жизнь. Дети пробежали мимо и вмиг исчезли; груженые доверху возы с мужчинами и женщинами – кто наверху на снопах, кто сбоку на грядках – отбрасывали тени на цветочные клумбы; а ближе к вечеру я увидел прохаживающегося мужчину с палкой; несколько девушек, гулявших под руку, поклонились ему и почтительно отступили на поросшую травой обочину.

А потом в воздух взлетела, словно брызнула, стайка птиц; провожая их глазами, я видел, как они мгновенно взмыли в небо, и мне уже казалось, что не птицы поднимаются ввысь, а я проваливаюсь вниз. От овладевшей мной слабости я крепко ухватился за веревки и стал покачиваться. Но вот повеяло прохладой, и в небе замигали звезды вместо птиц – я уже раскачивался вовсю.

Ужинаю я при свече. От усталости кладу ложки на стол и вяло жую свой бутерброд. Теплый ветер раздувает сквозные занавеси, иногда кто-нибудь, проходя за окном, придерживает их, чтобы лучше меня увидеть и что-то сказать. А тут и свеча гаснет, и в тусклой дымке чадящего фитилька еще некоторое время кружат налетевшие мошки. Если кто-нибудь за окном обращается ко мне с вопросом, я гляжу на него, как глядят на далекие горы или в пустоту, да и мой ответ вряд ли его интересует.

Но если кто влезает в окно и говорит, что все в сборе перед домом, тут уж я со вздохом встаю из-за стола.

– Что ты вздыхаешь? Что случилось? Непоправимая беда? Безысходное горе? Неужто все пропало? Ничего не пропало. Мы выбегаем из дому.

– Слава богу! Наконец-то!

– Вечно ты опаздываешь!

– Я опаздываю?

– А то нет?

– Сидел бы дома, раз неохота с нами!

– Значит, пощады не будет?

– Какой пощады? Что ты мелешь?

Мы ныряем в вечерний сумрак. Для нас не существует ни дня, ни ночи. Мы то налетаем друг на друга, и пуговицы наших жилеток скрежещут, как зубы, то мчимся вереницей, держась на равном расстоянии, и дышим огнем, словно звери в джунглях. Будто кирасиры в былых войнах, мы, звонко цокая и высоко поднимая ноги, скачем по улице и с разбегу вырываемся на дорогу. Несколько мальчиков спустились в канаву и, едва исчезнув в тени откоса, уже выстроились, точно чужие, на верхней тропе и оттуда глядят на нас.

– Эй, вы, спускайтесь!

– Нет уж, давайте вы сюда!

– Это чтобы нас сбросили под откос? И не подумаем! Нашли дураков!

– Скажи уж прямо, что боишься! Смелей!

– Бояться? Вас? Много на себя берете! И не с такими справлялись!

Мы кидаемся в атаку, но, встретив сильный отпор, падаем или скатываемся в травянистую канаву. Здесь все равномерно прогрето дневным зноем, мы не чувствуем в траве ни тепла, ни холода, а только безмерную усталость.

Стоит повернуться на правый бок и подложить кулак под голову, и тебя смаривает сон. Но ты еще раз пытаешься встряхнуться, вытягиваешь шею и вздергиваешь подбородок – чтобы провалиться в еще более глубокую яму. Потом выбрасываешь руки и слабо взбрыкиваешь ногами, словно готовясь вскочить, – и проваливаешься еще глубже… И кажется, этой игре конца не будет.

Но вот ты уже в самой глубокой яме, тут бы и уснуть по-настоящему, растянуться во всю длину, а главное – выпрямить ноги в коленях, – но сна как не бывало; ты лежишь на спине, точно больной, сдерживая подступающие слезы, и только помаргиваешь, когда кто из ребят, прижав локти к бокам, прыгает с откоса на дорогу и его черные подошвы мелькают над тобой в воздухе.

Луна забралась выше; облитая ее сиянием, проехала почтовая карета. Сорвался легкий ветерок, он пробирает и в канаве; где-то невдалеке зашумел лес. Одиночество уже не доставляет удовольствия.

– Эй, где вы?

– Сюда! Сюда!

– Собирайтесь все вместе!

– Что ты прячешься, что за дурацкая фантазия?

– Разве вы не слыхали, почта проехала!

– Как, уже проехала?

– Ну ясно! Когда она проезжала, ты видел третий сон!

– Это я спал? Будет врать!

– Лучше ты помалкивай. Ведь и по лицу видно!

– Что пристал?

– Пошли!

Мы бежим гурьбой, кое-кто держится за руки, приходится закидывать голову как можно выше, так как дорога идет под уклон. Кто-то испустил боевой клич индейцев, ноги сами несут нас в бешеном галопе, ветер подхватывает на каждом прыжке. Ничто не может нас удержать. Мы так разбежались, что, обгоняя друг друга, складываем руки на груди и спокойно озираемся по сторонам.

Останавливаемся мы перед мостиком, переброшенным через бурный ручей; те, кто убежал вперед, вернулись. Вода, омывающая корни и камни, бурлит, точно днем, не верится, что уже поздний вечер. Кое-кому не терпится залезть на перила мостика.

Из-за кустарников в отдалении вынырнул поезд, все купе освещены, окна приспущены. Кто-то затянул веселую песенку – тут каждому захочется петь. Мы поем куда быстрее, чем идет поезд, и, так как голоса не хватает, помогаем себе руками. Наши голоса звучат вразнобой, и нам это нравится. Когда твой голос сливается с другими, кажется, будто тебя поймали на крючок.

Так мы поем, спиной к лесу, лицом к далеким пассажирам. Взрослые в деревне еще не ложились, матери стелят на ночь.

Пора и по домам. Я целую стоящего рядом, пожимаю две-три ближайшие руки и стремглав бегу назад, пока никто меня не окликнул. На первом же перекрестке, где меня уже никто не увидит, поворачиваю и тропками пускаюсь обратно к лесу. Меня тянет город к югу от нас, о котором в деревне не перестают судачить.

– И люди же там! Представьте, никогда не спят!

– А почему не спят?

– Они не устают!

– А почему не устают?

– Потому что дураки.

– Разве дураки не устают?

– А с чего дуракам уставать?